

Ольга Трушкова

---

*Дом на горе,  
дом под горой*

---

Рассказы



Ольга Трушкова

**Дом на горе, дом  
под горой. Рассказы**

«Издательские решения»

**Трушкова О.**

Дом на горе, дом под горой. Рассказы / О. Трушкова —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505803-4

Короткие рассказы о судьбах сельских жителей, об укладе их бытия, о думах их и надеждах, об их печалях и случайных радостях.

ISBN 978-5-00-505803-4

© Трушкова О.  
© Издательские решения

## Содержание

Дом на горе	6
1	7
2	9
Новогоднее чудо	10
Жива ещё – и радуйся тому	12
Незапятнанная страница	14
Из-за острова на стрежень...	16
Наследство	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# **Дом на горе, дом под горой**

## **Рассказы**

**Ольга Трушкова**

© Ольга Трушкова, 2019

ISBN 978-5-0050-5803-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Дом на горе



Его дом стоит на горе. Впрочем, никакая это не гора, так, взгорок, который ещё каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад он шутя преодолевал. Но годы, годы... С ними не поспоришь.

Её дом стоит под этой самой горой. Вроде, и расстояние-то между этими двумя домами пустячное, а вот поди преодолей его, если хозяину дома на горе уже под восемьдесят, а хозяйке дома под горой – глубоко за шестьдесят.

## 1

Как обычно, он проснулся ни свет ни заря, потёр ноющую спину и, держась за стену, шаркая тапками, побрёл в кухню. До рассвета далеко, но он знал, что уснуть уже не получится. Даже не глядя на часы, Николай Иванович определял время, как и, не пользуясь тонометром, точно знал, что сегодня давление у него зашкаливает – кружится голова, в глазах чёрные пятна чередуются с пятнами белыми.

Зачерпнул из ведра ковш воды, попил, остатки плеснул в рукомойник. Хорошо, что Коля Степанов вчера принёс, а то бы и умыться было нечем. Самому не принести, он теперь не ходок на водокачку, что под горой находится. Спуститься-то вниз сил хватит, а подняться да ещё с ведром – их уже не останется. Пришлось позвонить и, стесняясь до дрожи во всём теле, попросить помощи. Хорошо, что есть мобильник! Хорошо, что живёт неподалёку хороший человек Коля Степанов!

Умывшись, Николай Иванович присел на лавку и, перебирая свои думы, приготовился ждать рассвета. Жизнь прошла, а что он видел? Работа, работа, работа... Правда, был он передовым механизатором в совхозе. Все уважали его за трезвость, скромность, отзывчивость, безотказность и неконфликтный характер. Так когда это было-то?

Когда я ...служил...  
Был молод, имел я силёнку...

В жизни, как в той старой песне...

А вышел на пенсию – всеми забыт. Вообще-то, и совхоз канул в Лету.

Вот уже середина марта, а морозы по ночам под тридцать. В доме прохладно. Но он не торопился растапливать печь – ждал, когда из трубы дома под горой пойдёт дым. Это давно стало неким знаком, что хозяйка того дома сегодня жива и относительно здорова. Переключка дымами стала обязательным ритуалом. Раньше они созванивались, но после Рождества ограничили себя в таком способе общения.

А дело было в следующем.

Накануне Рождества выпал снег. Его было так много, что хозяйка дома под горой отгребала его часа полтора, а когда вернулась в избу, то увидела два пропущенных вызова от соседа. Начала перезванивать, но теперь уже он не брал трубку. Кое-как, преодолевая почти метровые сугробы, подгоняемая страхом за Николая Ивановича, она поднялась в гору. А он, оставив на обеденном столе телефон, в то же самое время отгребал от снега дорожки в своей ограде, чтобы поскорее добраться до её дома и узнать, не стряслось ли с ней чего недоброго. После этого они решили не пугать друга поздравлениями с праздниками, даже если это будет само Рождество, и звонить только в исключительных случаях.

Летом проще. Летом они видят друг друга. На огородах. Она видит его на огороде на горе, он её – на огороде под горой.

\*\*\*

Он нащепал лучины, аккуратно уложил в топку, сверху придавил сухими берёзовыми дровами и прикрыл дверцей. Теперь осталось поднести спичку, но прежде надо дождаться дыма из трубы дома под горой.

Николай Иванович одинок. Так уж сложилось, что у него никогда не было семьи. Есть старшая сестра, есть племянник, но они живут далеко. Правда, каждую осень племянник, которому тоже годков немало отстучало, приезжает к Николаю Ивановичу, чтобы помочь выкопать картошку.

## 2

Она тоже проснулась ни свет ни заря, потёрла ноющую спину и, держась за стену, шаркая тапками, побрела в кухню. До рассвета далеко, но она знала, что уснуть уже не получится. Даже не глядя на часы, старая женщина определяла время, как и, не измеряя давления, точно знала, что сегодня оно у неё зашкаливает – кружится голова, в глазах чёрные пятна чередуются с пятнами белыми. Вот уже вторую неделю его ничем не удавалось сбить. Таблетки энапа снижали ненадолго, рецепты из интернета тоже не дали положительного эффекта. «Только бы не умереть в такое неподходящее время, – подумала она. – Да разве смерть будет со мной свои сроки согласовывать?»

А время умирать и впрямь было неподходящим – впереди капитальный ремонт дома. Ей бы, конечно, не стоило связываться с ремонтом, могла бы дожить свой век и с тем, что есть. Но она думала о детях, она хотела оставить им после себя приличное жилище. А вдруг кто-то из них вернётся? Ну, а не вернуться, так дом в нормальном состоянии и продавать не стыдно. Да и люди, которые купят его, добрым словом прежнюю хозяйку помянут.

Пластиковые окна она уже не только заказала, но и выкупила; пиломатериал для замены полов сохнет в сеновале. Дело за малым – тепла дожждаться.

Ох-охошеньки! Затеять-то ремонт она затеяла, а потом сама ужаснулась этой затее. Всю зиму ночей не спала, маялась тяжёлыми раздумьями, что да как. Если с окнами всё более-менее ясно – фирма сама приедет и вставит, то кого нанять на остальную работу и в какую сумму обойдётся всё это?

У детей денег она не возьмёт, хотя они, конечно же, захотят помочь. Но она сама так решила, а её решения даже не обсуждаются. Так было всегда, так и впредь будет! Ничего, она и своей учительской пенсией обойдётся, скопила малость «на смерть», но со смертью решила повременить – не до неё сейчас.

Фирма, что окна вставлять будет, предложила ещё дом обшить сайдингом. Недорого. Всего лишь... за шестьдесят шесть тысяч. Но она не согласилась. Люди подумают, что у неё денег куры не клюют, кто-нибудь из «социально не защищённых» захочет поживиться, залезет в дом, а там – облом, взять-то особо нечего. Как ей потом ему в глаза смотреть? Обидится этот «социально не защищённый». Обманула, скажет, а ещё детей учила! Со стыда сгореть можно.

Меж тем мартовский, но по-зимнему холодный рассвет лениво вставал над селом. Мысли Татьяны Ивановны с предстоящего ремонта перекинулись на Николая Ивановича. Как он там? Она растопила печь, поставила на плиту чайник и вышла на крыльцо.

Из трубы дома на горе потянулись робкие белёсые нити. Они быстро утолщались, набирали силу, и вот уже клубы дыма устремились ввысь.

«Всё в порядке, мы ещё живы», – глядя на дом на горе, подумала она.

«Всё в порядке, мы ещё живы», – глядя на дом под горой, подумал он.

20.03.2017

## Новогоднее чудо

В эту новогоднюю ночь Славику совсем не хотелось оставаться одному в их огромной квартире. Но бабушка ушла к своей подруге детства, живущей в соседнем подъезде, а мама с папой уехали в деревню к другой бабушке. Славика с собой не взяли.

– Ты уже большой мальчик, должен обходиться без взрослых, – сказал папа.

– В конце концов, рано или поздно, но ты просто обязан этому учиться, – поддержала папу мама. – Праздничный ужин в холодильнике, разогреть его, надеюсь, ты и без нас сумеешь. А чтобы не было скучно, можешь пригласить кого-нибудь из своих друзей. У тебя же столько знакомых мальчиков!

– И девочек, – добавил папа.

Славик вздохнул и пошёл в свою комнату. До Нового года было ещё далеко: полдня и целый вечер. Кого пригласить? Одноклассника Витьку? Да нет! У Витьки у самого на Новый год собирается детвора чуть ли не со всего подъезда. Костика? Но лучший друг Костик будет встречать Новый год с Катей из параллельного класса в лесном зимовье деда Игната. Славик видел, как этот самый дед-лесовик вчера за ними на вездеходе приезжал.

Славику стало нестерпимо тоскливо. И обидно. Все его бросили. И папа с мамой. И даже бабушка, заявившая, что её внуку пора взрослеть.

Как жаль, что Новогодние ёлки в школе уже закончились. Славик был на всех трёх: на ёлке для малышей, на ёлке для средних классов и на ёлке для старшеклассников. Правда, завуч Ирина Петровна сказала ему, что на последнюю ёлку он мог бы и не приходить, только Славик не утерпел. Дома-то сидеть неумоготу, вот он и на третью ёлку притащился.

Всё было интересно. Славик сначала немного смутился, когда одиннадцатиклассницы приглашали его танцевать, но потом ничего, осмелел и даже сам организовал хоровод вокруг ёлки и прочитал стишок про деда Мороза. Всем это очень понравилось. Даже всегда необыкновенно серьёзная Ирина Петровна громко хохотала и хлопала в ладоши.

При воспоминании о новогодних школьных ёлках сладкое томление охватило Славику. Но к томлению присоединилась непрощеная грусть.

Он включил компьютер, немного поиграл в «танчики», зашёл на пару сайтов. Нет, это не то. Скука всё больше и больше овладевала Славиком. Впереди десять дней школьных каникул. Чем занять себя? Конечно, он сходит пару раз на каток. Конечно, он посмотрит несколько развлекательных телешоу и дочитает интересную повесть о путешествии в неведомые миры. Но хочется чего-то ещё, чего-то другого, ранее не испытанного.

Славик открыл холодильник, взял мандаринку, вышел на балкон. Было непривычно тихо. Падал лёгкий пушистый снег. Вдруг он увидел Веру Полынову, которая жила в доме напротив. Они были давно знакомы. Ещё с детского садика. Теперь встречаются в одной школе. Вера тоже стояла на балконе. Славик помахал ей рукой. Она ответила тем же.

Славик вздохнул и вернулся в пустую квартиру.

Приближалась полночь. Зазвонил телефон. Кто это? Вроде, все поздравления уже приняты.

Он снял трубку. Голос Веры Полыновой.

– Славик, ты как Новый год встречать собираешься?

– Да никак, – ответил он. – Сейчас улягусь в постель, поставлю телик на таймер и через часок-другой отдамся Морфею.

– Ты с ума сошёл! – ужаснулась Вера. – На улице такая лепота, а он спать собрался! Выходи, в снежки поиграем, а может, и Снегурочку вылепим.

\*\*\*\*\*

Вернувшись утром от подруги, бабушка увидела счастливое лицо спящего Славика и поняла, что в эту ночь случилось настоящее чудо: её тридцатилетний внук, наконец, повзрослел.

А после новогодних каникул Вячеслав Николаевич, директор средней школы, и Вера Дмитриевна, учительница начальных классов, подали в ЗАГС заявление. И пусть теперь хоть кто-нибудь скажет им, что в новогоднюю ночь не бывает чудес!

*1.01.2017*

## Жива ещё – и радуйся тому



Такого щедрого на снег декабря не помнят даже старожилы – как началось в конце ноября, так и по сей день не кончается. Ладно бы один снег валил, а то ведь ещё и метели через день да каждый день. Что разгребёшь с дорожек в ограде, ветер ночью опять на прежнее место вернёт да ещё так перекрутит, что и не знаешь, с какого боку подступиться к сугробам, от крыльца начало берущим.

Вот запланировала баба Маня на сегодняшнюю пятницу дел выше крыши, но сделает ли хотя бы половину из них? Большущий вопрос.

Через три дня Новый год. Надо и перестирать всё до последней тряпочки, и в доме всё перемыть, и самой в баньке помыться, потому что негоже из одного года в другой грязь тащить. А для всего этого нужна вода. Много её, воды, надобно. Хоть и недалече водокачка, почти рядом, только как до неё добраться? Тут уж дай бог до бани тропинку прорыть да до полениц, чтобы дровами запастись. Конечно, не сама она воду носить будет, дважды в неделю к ней наведывается молодая женщина из социальной защиты и по пятницам водой обеспечивает. Сегодня тоже придёт. Но и ей, пожалуй, не преодолеть те заносы, что завируха за нынешнюю ночь понастроила. Тут не всякий мужик справится. Вся надежда на то, что трактор дорогу расчистит. В эту зиму администрация, наконец-то, к этому делу отнеслась ответственно, организовала расчистку дороги уже и на нашей Советской улице, где почти одни пенсионеры век свой доживают. А то случись с кем беда, так «Скорая помощь» не проедет, завязнет по самое некуда.

Ох-охошеньки!

Настроение у бабы Мани совсем испортилось. Да и с чего ему праздничным быть? Не те её годы, чтобы ждать чего-то от Нового года. Это когда она молодая была, то надеялась на перемены к лучшему. Долго жила этими надеждами, а потом и надеяться перестала. Поняла тщету своих надежд. Да и что нового принесёт Новый год? Новые цены, которые будут выше старых? Новые болячки, лечить которые в наших даже у наших государственных врачей ей не по карману? Нового президента, который в очередной раз окажется тем же самым?

Правда, не всё так плохо. В новом году ей повысят пенсию аж на целых три процента да при этом к трём сколько-то там сотых приплюсуют. О повышении начали трещать ещё с сентября. Говорили, что раньше, мол, мы добавляли только проценты по уровню инфляции, а сейчас – даже чуть ли на половину больше, поскольку инфляция в этом году всего два процента. Спасибо вам, «благодетели» наши! Низкий вам поклон за такую неслыханную щедрость!

Ох, и дурят же народ! Вообще-то, народ не дурак, считать умеет и давно уже только тяжело вздыхает при сообщении о подобных «благоденствиях».

Ладно, хватит о грустном. Тут дел невпроворот, а она плакаться взялась. Ни в Кремле, ни в Думе, ни в правительстве твои вопли всё равно не услышат. Марш во двор да за работу принимайся! Какое тебе дело до того, что происходит за твоим забором? Жива ещё – и радуйся тому! Радуйся снегу, потому что не совсем ослепла и видишь его, завыванию ветра радуйся, потому что слышишь его. Морозу радуйся и тому, что он не достаёт тебя в твоей избе. Теплу от жарко натопленной печи радуйся, мурлыканью кота Амура. А те, что «радеют» за твоё благополучие, тебе без надобности. Они перед выборами ещё не так «радеть» будут, чтобы ты за них голосовала. Да ну их всех...

Баба Маня потуже перетянула тёплым платком ноющую поясницу, оделась, сунула отёкшие ноги в растоптанные валенки, вышла на улицу. «До обеда надо расчистить дорожки до бани и поленниц, а потом уже и за оградой буду траншею рыть», – решила она и взяла в руки снеговую лопату.

Длинная декабрьская ночь неохотно уступала место холодному рассвету, но он всё же одолел беспросветную тьму. Как ни черна она, а светлый день всенепременно наступит!

*Декабрь, 2017.*

## Незапятнанная страница

Почему она всё чаще и чаще вспоминает смешного Юрку из той невозвратной ранней юности? Полвека минуло, и много чего было за эти годы. Юрке давно уже пора затеряться в её памяти, он просто обязан был это сделать. Ведь она даже не успела его полюбить, потому что их дружба продлилась всего одно лето. Просто дружба...

Она закрывает глаза, и картины далёкого прошлого, подобно слайдам, сменяют друг друга.

Танцы в клубе. Недавно демобилизованный Юрка в окружении молодых ребят, а поодаль – она с подругами. Он сразу же выделяет её из толпы и провожает домой.

Вот старый деревянный мост через бурлящую Оку, к Ангаре устремившуюся. Огромная луна заливает неонам окрест и плещется в воде. Привалившись к покосившимся перилам, Юрка негромко поёт.

Луна, луна над берегом ласковым светит,  
А море, а море целуется с луною....

Они спускаются на берег, садятся в одну из привязанных лодок. О чём велись их бесконечные разговоры, она уже не помнит, но помнит, как преданно смотрел на неё Юрка и как хорошо им было друг возле друга.

Ей – семнадцать, Юрке – двадцать. Их отношения чисты, как родниковая вода в верховьях Саян. Они даже ни разу не поцеловались.

А потом об их дружбе узнал её отец. Он пришёл в ярость. Отец, которого все окружающие считали человеком деликатным и сдержанным, мудрым и справедливым, закатил дочери оглушительную пощёчину, обозвал самыми оскорбительными словами и пригрозил:

– Смотри, шлюха: принесёшь в подоле – собственными руками удавлю! Ишь, с мужиками таскаться вздумала! Я дурь-то из тебя живо выбью!

«Воспитательную беседу» завершила вторая пощёчина.

После этой безобразной сцены она начала избегать даже случайных встреч с Юркой – они ей стали казаться наполненными чем-то невероятно постыдным, грязным, мерзким. Отец – это непререкаемо! Отец – это образец чистоты, непорочности, мудрости!

Потом был институт, возвращение в родной город, замужество, дети. В общем, всё, как у людей. С Юркой за прошедшие полвека они так ни разу не встретились. Даже случайно. От школьных друзей ей известно, что он по-прежнему живёт на улице Подгорной, был дважды женат и столько же разведён. Вырастил дочь и сына. Наверное, она тоже не затерялась в его памяти, если его дочь носит её имя.

Теперь два берега сибирской Оки соединяет бетонный мост, при виде которого ей вспоминается другой мост, деревянный, с покосившимися перилами, а из далёкого прошлого слышится забытая песня.

Луна, луна над берегом ласковым светит,  
А море, а море целуется с луною...

Много воды унесла бурная Ока за минувшие полвека, и хорошо, что они с Юркой больше не встретились, ибо нельзя войти в одну реку дважды. Пусть он останется в её памяти тем озорным пареньком, тем весёлым острословом, любителем невинных, без пошлостей, анекдотов и розыгрышей, потому что был самой незапятнанной страницей её жизни.

## Из-за острова на стрежень...

– Слышь, Мань, а я в наш сельский ансамбль записалась, – восторженно сообщила Раиса своей закадычной подруге. – Буду исполнять народные песни.

Казалось, не только её глаза, но и многочисленные морщины излучали радость.

– Так ты ж петь не умеешь? – удивилась баба Маня.

– Ну, и что? Я ж не в солистки записалась, а просто в ансамбль. Ансамбль-то как называется? «Русская народная песня»! А я – кто? Народ! Давай и ты, Мань, записывайся.

Баба Маня только рукой махнула.

– Да ну тебя к лешему! Ты ж сама понимаешь, ежели я запишусь, то тебе не видать славы народной артистки нашего села.

В отличие от Раисы, баба Маня умела петь и в советское время участвовала в конкурсах на разных уровнях – от районного до областного. Дошла бы, наверное, и до кремлёвской сцены, но грянула перестройка, потом началось не пойми что. Тут уж не до пенья стало, тут уж выжить бы...

– Ладно, не записывайся, – легко согласилась Раиса. – Но на концерт приходи обязательно. Нам костюмы одинаковые из райцентра привезли. Красивые, расшитые и понизу, и по кокетке.

Ну, я побежала, а не то на репетицию опоздаю.

Настал день концерта, приуроченный к одному из многочисленных российских праздников, к Дню пожилого человека. Баба Маня не могла не поддержать Раису и не утешить в час позора, если та вдруг забудет её наставления и будет не только рот открывать, но ещё и вздувает петь.

Ансамблем руководил Петька Миронов, которому давным-давно село приклеило кличку Зашибала. Нет, не потому ему было присвоено столь громкое звание, что он злоупотреблял кое-чем, хотя и это имело место быть, а совсем по другой причине.

Бывало, в шумной компании молодые парни, доведя себя до нужной кондиции, начинали выяснять отношения. Как правило, эти выяснения плавно переходили в драку. И тут в дело вмешивался он, небольшого росточка, щупленький и кривоногий Петька Миронов. Закавав рукава рубахи, устрашающе вращая налитыми спиртным глазами, Петька вклинивался в самый центр рукопашного боя, размахивал маленькими кулачками и грозно, как ему казалось, вопил:

– Рра-ззойдись! Зашибу!

Парни опускали свои кулаки-кувалды, дабы ненароком не зашибить самого Петьку.

Драка прекращалась. Все дружно возвращались к столу и пили мировую.

Петьку любили и парни, и девчата – Зашибала был покладистым, отзывчивым человеком и отменным баянистом.

Теперь же, выйдя на заслуженный отдых, Пётр Миронов создал из своих ровесников и ровесниц ансамбль «Русская народная песня».

– Русская народная песня «Из-за острова на стрежень», – выйдя на сцену, звонким голосом объявила Зойка Миронова, она же Петькина внучка, а по совместительству – конференсье. – Исполняет народный ансамбль нашего села под руководством Петра Ефимовича Миронова.

Ансамбль занял свои места на сцене. На певцах были расшитые в русском стиле косоворотки и кепки с лихо заломленными козырьками. Правда, картинно выпущенных завитых чубов не было, потому что завивать уже нечего.

Певицы обрядились в того же стиля сарафаны. Вышел Петька в яркой рубахе и растянул меха выдавшего вида, старенького, но всё ещё голосистого баяна. И после проигрыша грянула песня.

Из-за острова на стрежень,  
На простор речной волны  
Выплывают расписные  
Острогрудые челны.

«Хорошо поют, слаженно, – одобрила баба Маня и тут же озаботилась: – Только бы Раиса не забыла моего наказа.»

Раиса не забыла.

На переднем Стенька Разин,  
Обнявшись, сидит с княжной,  
Свадьбу новую справляет  
Он, веселый и хмельной.

«Да все они, кобели, по пьяни свадьбы новые справляют, – вздохнула баба Маня. – А спросил ли он, варнак, согласия девицы? Нет, конечно. Полонянка, кто ж её спрашивать-то будет?»

А она, потупив очи,  
Ни жива и ни мертва,  
Молча слушает хмельные  
Атмановы слова.

Баба Маня загрустила и отёрла непрошеную слезинку. «Бедное дитё, как же, однако, страшно ей... небось, дрожит осиновым листочком... Оторвали тростиночку от отца-матери да обесчестили. А князю-батюшке да княгине-матушке горе-то какое, не приведи господь!»

Позади их слышен ропот:  
«Нас на бабу променял,  
Только ночь с ней провозжался,  
Сам наутро бабой стал».

«Вот паразиты! – возмутилась баба Маня. – Так и подстрекают этого ирода сотворить пакость несусветную! Из зависти, наверное, а из-за чего ещё?»

Этот ропот и насмешки  
Слышит грозный атаман,  
И могучею рукою  
Обнял персиянки стан.

Брови черные сошлись,  
Надвигается гроза.  
Буйной кровью налились  
Атамановы глаза.

«Ишь, залил свои бестыжие зенки! Озверел-то как! Ну, точь-в-точь совхозный племенной бугай.»

«Ничего не пожалею,  
Буйну голову отдам!» —  
Раздается голос властный  
По окрестным берегам.

«А чего тебе жалеть-то, сукин ты сын? Своим горбом нажитого и крохи нет, а ворованного и впрямь не жаль – ещё награбишь, окаянная твоя душа! А свою „буйну голову“ ты чёрта с два отдашь! Посулы твои – это страх потерять атаманскую власть. Во все века лихоимцы за власть борются, компромат друг на друга собирают и бунты устраивают. Разве твои голово-резы – исключение?»

«Волга, Волга, мать родная,  
Волга – русская река,  
Не видала ты подарка  
От донского казака!

Чтобы не было раздора  
Между вольными людьми,  
Волга, Волга, мать родная,  
На, красавицу прими!»

«Хоть мать бы не поминал, душегуб!»

Мощным взмахом поднимает  
Он красавицу княжну  
И за борт её бросает  
В набежавшую волну.

«Это же надо, в угоду пьяному сброду, в угоду этим проходимцам – да душу человеческую загубить!»

«Что ж вы, братцы, приуныли?  
Эй, ты, Филька, черт, пляши!

Грянем песню удалую  
На помин её души!..»

«О, как! Да кто ж на поминках пляшет и песни поёт?»

\*\*\*\*\*

По дороге домой баба Маня размышляла о Стеньке Разине и никак не могла понять, почему его считают народным героем. Он что, дитё из пожара вытащил? Может, слабого защитил? Нет! Он со своей шайкой грабил и убивал людей, жил не по совести, умыкнул персидскую княжну, обесчестил малолетку, а из страха перед такими же варнаками, из страха за свою шкуру, взял да и погубил невинную душу. Никакой он не герой, этот Стенька, а сатанинский выкормыш, собравший вокруг себя таких же отморозков. Баба Маня скорее назовёт героем скромного Зашибалу, чем того ирода. И нечего про него песни слагать, нечего воспевать то, что считается смертным грехом!

Открывая калитку, баба Маня тяжело вздохнула:

«Да что же мы за народ такой, ежели в церквях прославляем Бога, а в песнях – душегубов?»

## Наследство

Вера Ивановна включила телевизор и попала на программу, где зрителей знакомили с десятком скандальных историй, связанных с дележом наследства. В общем, это не ново – на канале «Россия 1» подобные шоу сплошь и рядом. Так что же поразило её в этой передаче?

А поразила раздел четырёхкомнатной квартиры Василия Шукшина между его женой Лидией и младшей дочерью Ольгой. У самой-то Ольги квартира имеется, просто понадобилась жилплощадь её выросшему сыну. Однако бабушка яростно воспротивилась проживанию внука в квартире деда. Господи! Суды между самыми родными людьми! Мир перевернулся или, простите, встал раком? Да Вера Ивановна, имей она столько комнат, только рада была бы, если бы внук изъявил желание скрасить её старость!

Она смотрела на Лидию Фёдосееву-Шукшину и думала: «Ведь старуха уже, кому ты нужна, кроме своих дочерей? Не за горами тот час, когда тебе уход понадобится. Хотя с такой роскошной жилплощадью желающие „поухаживать“, а возможно, даже и жениться наверняка найдутся. Только где твои материнские чувства, милая? Где совесть твоя? Ведь ты просто-напросто захватила то, что принадлежало твоему мужу».

А ещё Вера Ивановна с горечью констатировала тот факт, что настоящее-то наследство, то есть наследие, Василия Шукшина предметом дележа между членами его семьи не является. Наверное, оно, оптом или в розницу, давным-давно распродано. Больно. Так и хочется крикнуть на весь мир: «Люди! Как вам не стыдно! Посмотрите, как уродливо вы выглядите при своих семейных разборках!»

Вспомнилось своё, теперь уже далёкое.

\*\*\*

После развода с матерью Веры и её брата Никиты отец недолго был одиноким, а точнее, совсем им не был. Он сразу же женился на медсестре райбольницы Нине Петровне. Женщина она была славная, у Веры никогда не повернётся язык ни мачехой её назвать, ни словом худым помянуть. Вера тогда уже была замужем, а Никите исполнилось двенадцать лет.

Новая семья стала жить в доме, который начал строить первый муж Нины Петровны. Строил-строил, пока не понял, что у жены появился другой. Тогда он собрал свои вещи и уехал из города, оставив жене двоих детей и недостроенный дом. Строительство завершил уже муж второй.

Мастеровым человеком он был, отец Веры, работающим. Да и, вообще, по всем статьям одни плюсы. Хорошо они с Ниной Петровной жили, душа в душу. Заботились друг о друге, растили детей. К сожалению, из Никиты, в отличие от детей Нины Петровны, ничего путного не получилось. Её же сын политехнический институт окончил, а дочь пошла по стопам матери, то есть в медицинское училище.

Выучились дети Нины Петровны, семьи завели. Отчим в них души не чаял, пасынку двухэтажный коттедж своими руками отгрохал, прямо со своим рядом. Вот только падчерице построить не успел, и жила она со своей семьёй в городской квартире.

А уж как внуков Нины Петровны отец Веры миловал да тешил, так и не всяк родной дед сподобится. Так вот, в любви и согласии, прожили отец и Нина Петровна двадцать два года.

За это время их дом тоже превратился в завидный коттедж со всевозможными постройками. Чудно отделанная летняя кухня. Баня с предбанником. Сарай и сарайчики, дровенники и навесы.

Правда, сама Вера вниманием отца похвастать не могла, да и дети её не были дедом обласканы. Не нужны они ему были – и баста! Да ладно, чего уж там. Никто на него не в обиде. Более того, Вера была счастлива, что отец не одинок! Общались ли они? Разумеется, да. Вера с семьёй жила в деревне, они с мужем имели довольно-таки приличное хозяйство, и отец с Ниной Петровной каждую осень приезжали к ним за мясом.

\*\*\*

Нина Петровна умерла внезапно и очень рано, ей и шестидесяти лет не исполнилось, а через четыре года вслед за ней ушёл и отец. Умер в больнице, где работала медсестрой падчерица. Когда Вера в последний раз навещала отца, он ещё не отошёл от наркоза после операции, а на следующий день его не стало.

Похороны... Много фотографий. У Веры нет ни одной. Да и самой Веры на них нет.

Когда в комнату, где стоял гроб, вошёл фотограф, сводная сестра, минуту назад оживлённо беседующая со своей приятельницей, натянула на лицо маску вселенской скорби и усеялась у изголовья покойного. Рядом с ней разместились её семья, а по другую сторону гроба – семья сводного брата. Больше мест не было ни у гроба, ни в объективе фотоаппарата.

Всем известно, что за поминальный стол сначала садятся соседи и друзья усопшего, а после их ухода накрывают стол для родных и близких. Веру усадили за первый стол. С соседями и друзьями. Сводная сестра произнесла поминальный тост.

– У меня сегодня и траур, и новоселье. Я, НАКОНЕЦ, вернулась в отчий дом хозяйкой.

Затем слово взял её брат. Он повернулся к Вере и громко, чтобы быть всеми услышанным, спросил:

– А ты знаешь, что ТВОЕГО брата осудили и Никита сейчас на зоне?

С нескрываемым злым торжеством он буквально сверлил её прищуренными глазами и, казалось, ждал ответа, а не дождавшись, обратился к присутствующим:

– Давайте помянем МОЕГО отца.

О том, что её брат на зоне, Вера, конечно же, знала. Под осуждающими взглядами сидящих за столом, она опустила голову.

\*\*\*

Было ли завещание или его вовсе не было? Вера того документа не видела. О том, что отец завещал всё движимое и недвижимое детям второй жены, забыв про дочь от жены первой, она только в день похорон от наследников услышала.

Конечно, Вера могла бы через суд оспорить право на свою долю. Время для неё тогда было невероятно тяжёлое: за год до смерти отца она похоронила мужа, а тут ещё дефолт девяностых, да и младшего сына-подростка на ноги ставить надо.

Могла оспорить, только делать этого не стала. Предложи ей сводные родственники по доброму какую-то часть наследства, Вера, наверное, взяла бы, только никто ей не предлагал. Ничего! Пережила Вера ту лихую годину!

А через год ей позвонила дочь и сообщила, что сестра Нины Петровны, тётя Лида, проживающая в областном городе, просила Веру приехать к ней. Вера приехала.

– Ты, наверное, знаешь, Верочка, что твой отец как узник немецких лагерей получал от германского «Фонда примирения и согласия» компенсацию. Сумма в марках и по нашим российским меркам весьма значительная.

О том, что отец почти четыре года был в этих самых лагерях, Вера знала, но о компенсации слышала впервые.

– Так вот, – продолжила тётя Лида, – теперь, когда Вани нет, а Никиту на зоне убили, получать должна ты, единственная наследница. Тебе необходимо забрать у моих племянников все документы, а потом со своим паспортом и метрикой приехать в «Фонд». Мы с тобой вместе съездим, я знаю, где он находится.

– Пусть эти марки, тётя Лида, они и получают.

– Нет, Вера. Там сидит немец, он тщательно следит, чтобы деньги не ушли не по назначению. Мои племянники их получить не смогут. Да и хватит с них того, что они раньше ими пользовались. Ваня, когда в последний раз приезжал за компенсацией...

Голос женщины прервался, на глазах выступили слёзы, но она справилась с нахлынувшими воспоминаниями и продолжила:

– Тогда он купил самых дорогих продуктов, самых дорогих конфет, огромный торт и привёз всё это нам. Я ему говорю, что, мол, не надо было так тратить, а Ваня ответил: «Много ли мне надо теперь? Могу я попить хоть раз в жизни? А им хватит и того, что от этих денег останется». Он прямо так и подчеркнул: «им». А ведь раньше только по именам называл, и никак иначе. Очень грустный он был в тот приезд. Это уж потом я поняла, что прощался. Так что ты, Верочка, забери у них документы. Ваня не успел сам тебе их отдать.

– Вы думаете, они мне отдадут?

– Конечно, – утвердительно кивнула головой тётя Лида. – В противном случае, компенсация просто-напросто будет возвращена в общий фонд.

А ещё Вера узнала, как однажды отец, вернувшись из лесу, куда ездил с пасынком за дровами, увидел дом обворованным. Много чего исчезло, в том числе, дорогие шубы покойной Нины Петровны и не менее дорогие наряды. Со своей бедой он сразу побежал к самому близкому человеку, к жившей неподалёку тёще.

– Надо в милицию звонить, – посоветовала она. – Бежи, Ваня, до Людки, у её телефон есть.

У жены пасынка Людмилы был сотовый телефон, но звонить не пришлось. Отец в доме пасынка увидел падчерицу и то, что было вынесено из его дома.

Это был сговор. Его планомерно начали подводить к могиле.

\*\*\*

Документы Вере сводный брат не отдал, впрочем, этого и стоило ожидать.

– Какие люди! – ехидно пропел он вместо приветствия, а узнав о цели её визита, категорично заявил: – Никаких документов! Ты, вообще, ничего не получишь! Поняла?

Это она поняла. Не поняла только, за что они так с ней? Вроде, до смерти отца отношения были вполне нормальными, их даже можно назвать родственными. И брат, и сестра со своими семьями приезжали к ней в гости, не гнушались дарами в виде молока, сметаны и прочего, чем были богаты Вера и её муж. Правда, к себе никогда не приглашали даже на семейные торжества. Впрочем, как и отец с Ниной Петровной. В доме отца Вера и её муж бывали только тогда, когда приезжали в город по своим делам, да и то недолго – передавали сумки с молочной продукцией и, откушав чаю, а иногда даже пообедав, поворачивали, как говорится, оглобли. А их дети так и вовсе никогда не гостили у деда.

Странно, но такие отношения принимались всеми, даже самой Верой, как должное.

Что же произошло после смерти отца? Неужели страх потерять часть наследства превратил этих вполне нормальных людей в нелюдей? Вот и выходит, что Вера много лет считала своей родней тех, для кого была совершенно чужой.

Удалось ли получить марки кому-то из детей Нины Петровны, она не знает и не хочет знать. Не знает и того, как поделили меж собой её сводные брат и сестра всё, нажитое её отцом и их матерью. Знает только, что дом заняла сестра. А переехала она туда со своей семьёй, когда отец ещё в больнице лежал, то есть жив был.

Да, видать, не впрок пошло ей наследство – через два года после переезда на воротах этого самого дома, сделанных отцом Веры, повесился её муж, а сама она начала болеть сахарным диабетом.

У сводного брата судьба тоже чего-то не заладилась. Со здоровьем проблемы, совсем, говорят, зачах.

Жена его к рюмке начала прикладываться чаще положенного, после чего становится ненормальной, или, как сегодня говорят, неадекватной: начинает скандалить и даже бить мужа. А чего не бить, коль он и прежде-то был метр с кепкой и телосложения хрупкого, а она баба здоровая, на полголовы его выше, телесами роскошная.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.